

два
рассказа

*Адель
Хайров*

Семендей

Откуда они только берут эти рубашечки с мелкими васильками на заснеженном поле? Либо это ещё советский стратегический запас расходуется, либо где-то на дальней заимке скрывается подпольная фабрика по пошиву таких вот «колхозных» рубашек, и строчит она их день и ночь!

Парень с рыжими ресницами дремал в углу прицепного вагона. Сунул в коленки тяжёлые ладони, как колун в щель пня, и включил свои рыжие сны. Рубашка, понятное дело, была у него такая одна – выходная. Отглажена бабкой основательно, со стрелками на рукавах.

В обшарканном вагоне пассажиры отфутболивали друг другу бутылку из-под пива. Запах мочи волнами накатывал в лягающие двери и щипал в носу. Из-под лавки несло пороссячим мешком да поддатым мужиком, заснувшим в сладком облачке своего перегара. Бутылка вылетела из-под сиденья и лягнула парня в ногу. Он разлепил мёдом смазанные веки. Рывком открыл прикипевшее окно. Ухнул скорый, и обдал разгорячённым от бега ветром. Гречишное поле вдоль дороги запахло вкусно – шпалами.

Парня звали Семён, но это по-русски. В марийской деревне его называ-

ли Семендеем. Имя какое-то певучее, языческое, хотя явно от Семёна произошло. Как будто купили в сельпо фабричный хомут и прожгли по коже узор с завитушками дикого хмеля, чтобы отличался от других!

Я разглядывал его руки и видел скрипучую сбрую, которую парень натягивает на морду кобыле, вложив ей в жёлтые зубы кислое грызло. Даже слышался звонкий шлепок по вздрогнувшему крупу, к которому присосался слепень...

Ему бы сбросить эту нелепую рубашку и махнуть в поле, в родную стихию! Шагать до самого дома, похрустывая колосками, одним взмахом отлавливая на лету кузнечиков, стреляющих вкось. Семендеем смахнул со скулы приставший лепесток и пошевелил губами во сне...

Я опустил глаза в раскрытую книгу и прочёл о том, что мелькало за окном:

**...И путь бежит, столбы простёрши,
И треплет кудри контролёрши,
И воздух делается горше
От гари, лёгшей на откос.**

Вместо кудрявой контролёрши в поезде «Йошкар-Ола – Казань» работала её обожжённая перекисью водорода подружка. Пьяных она не будила, а с бабульками любила поговорить о болячках. Когда ей предлагали домашнее пиво из бидона, охотно принимала на вялую грудь липкий стаканчик. Да и давно уже ходила без формы и дырокола...

Вдруг народ, как по команде, ожил, заволновался, потянулся к полкам за поклажей. Исписанные баллончиками бетонные заборы, утонувшие в червивых яблонях старые дачи, гаражи, пустыри... – это скучное кино оборвалось, и над тёмной водой повис белый Кремль. Поезд изогнулся, заскрежетал и встал у краснокирпичного вокзала.

Семендеем схватил спортивную сумку, у которой сразу же оборвалась ручка, и подпинаемый ею, был выплеснут вместе с серой волной пассажиров на привокзальную площадь. Зажмурился, ослеплённый пестротой платьев,

машин, клумб... Яркие цвета, каких не бывает в природе! Это потом глаз притупится, перестанет реагировать на боль от кричащего цвета, а сейчас...

Рыжие ресницы хлопали, а ноздри захлёбывались от пролившихся запахов, которые извивались на небольшом пятчке перед вокзалом. Хвост душных духов тянулся за женщиной в розовом абажуре платья, внутри которого семенили её ножки; букет влажных ландышей осветил лицо студентки; кислый запах псины повис над бомжём, помирающим в тени рябины; шашлычный дымок заставлял всех приезжих сглатывать слюну; табачный с покашливанием шёл от водителя маршрутки...

– Мне надо до училища лёгкой промышленности! – крикнул Семендеем водителю-таджику.

– А где это? – высунулась из салона жующая баба с бусами из рулончиков билетов.

– Там озеро рядом есть... – заглянул парень в бумажку.

– Мы что тебе, пароход? – улыбнулся таджик. – Ладно, садись...

Семендеем забрался в уголок и уставился в окно. На следующей остановке влетела шумная стайка студенток и защебетала над ним.

– Я смотрю, ба, а это Юрик навстречу топает. Блин, на нём такая debilная рубашечка... – Короткостриженная украдкой ткнула пальчиком в Семендеем. – Как будто из дачной занавески...

– ...и ещё джинсы-варёнки! Это вообще ж!.. – перебила подружку смугленькая.

Парня хлестнул по ушам хохоток. Он заслонился сумкой, готовый залезть внутрь. В это время потная кондукторша раздвинула худеньких девчушек, как ширму, и бросила: – Щас выходи! Иди вперёд до светофора, там спросишь...

Он бросился по ногам к выходу, сумка застряла в дверях. Порвал вторую ручку. Кондукторша прокричала:

– Следующая «Кольцо»! Кто ещё не оплатил?

Семендеем поднял сумку на голову, как баул, и, время от времени бросая

Рис. Искандера Галлямова

брезгливые взгляды на свою рубашку, дошёл до конца улицы. Неожиданно вышел к зелёному озеру, которое чахло посреди города. Тут же сбоку, во дворе трёхэтажного здания, заметил толпу молодёжи с родителями. Понял, ему туда. Спустился к озеру, стащил с себя рубашку и комом сунул в сумку. Переоделся в застиранную майку, которую взял, чтобы носить в общежитии. Огляделся вокруг, высматривая кусты, куда можно спрятать эту безухую сумку, но вокруг всё было загажено.

– Папироска есть? – Из-за ивы по-

казался мужик с сачком. Только вместо рыбы в пакете громыхали алюминиевые баночки.

– Бросил! – признался Семендей, а самому захотелось подымять.

– Ну, молодец... – подобрал тот окурочок. – Сам откуда? Агрыз? Мамадыш?

– Из деревни Паймас. Это в Марий Эл...

– Помню, лыжи такие были. Я ведь раньше гонщиком был. На лыжах гонял! Вот тут по озеру.

Они присели на скамеечку. Помолчали.

– Вы здесь ещё будете? Минут пять... – Семендей занервничал, увидев, как толпа начала просачиваться в здание училища. – Я сбегая, документы отдам, а сумку оставлю, можно?..

– Давай, сынок, дуй куда надо... Подожду!

Рыбак за баночками потянулся к соседней скамеечке, где кто-то оставил бутылку с глотком пива. Семендей перебежал дорогу. В воротах налетел на группу пацанов.

– Оба-на, пополнение! – наглый с прыщами, протянул ему плоскую ладонь с жёлтыми от табака пальцами.

– Слышь... Молодой! – Маленький и гундосый харкнул Семендею чуть ли не на носок кроссовки. – Мы тут директрисе на венки собираем. С баб полтинник, с мужиков – стольник...

– Я принесу... – Он побежал обратно.

На скамейке лежал целлофановый пакетик с образком Николая Угодника. И на том спасибо, добрый человек! Только почему-то стало жалко рубашку с васильками...

...Вошёл в старинное здание училища с толстыми крепостными стенами и сразу же из летнего пекла попал в осень. По углам паутиной свисали сумерки, в туалете ревели ржавые трубы. Потолок давил, покрывшись трещинами...

Он так ни с кем и не подружился. Ходил на занятия как тень. Безропотно отдавал стипендию, хотя мог бы зашибить шайку-тройку одной только оплеухой. Здесь его звали Рыжиком...

Только однажды он попытался познакомиться с белесой девушкой-марийкой, которую увидел в стенах училища на выставке прикладного искусства. Она, прикусив губу, сосредоточенно расписывала потешный лубок, там, где мыши хоронят кота. Он смотрел-смотрел, потом хриплым голосом похвалил:

– У вас красивый лубок. Я такой лубок видел в детстве у соседки Тайры... Лубок – полезная вещь...

Семендей взмок, пока произносил свой неуклюжий комплимент, но вместо «лубок» почему-то три раза подряд произнёс «лобок». Покраснел, как свёкла, и смылся.

Рядом с училищем находился зооботсад. Из-за запахов и запущенности горожане сюда не особо ходили. Но Семендею уже узнавали на входе и даже отрывали ему детский билет, так дешево. Он пронёс за пазухой бутылку пива, которой поил обезумевшего от тоски волка. Семендею казалось, что этот волк вышел из леса у деревни Паймас. Точно такого, с обиженным лицом, он несколько раз встречал, когда ходил за жердями...

Оглядываясь вокруг, просовывал горлышко в клетку. Волк, урча, быстро опорожнял бутылку и потом слизывал сладкую пену с цементного пола. Пьяный волк улыбался, ронял морду на лапы и молча смотрел на своего «товарища» грустными слезящимися глазами. Волк превращался в человека, а Семендей наоборот дичал. Он готов был завывать...

Писем своей бабушке парень не писал. Несколько раз начинал, но, вспомнив, что почтальонша Настюха вскрывает чужую корреспонденцию, комкал исписанную бумагу...

На следующее утро он не пошёл в училище. Накрапывал дождь, небо и фасады затянуло мешковиной. Семендей купил пирожок с ливером, откусил. Из него посыпались печёные червячки. Мимо пронеслась девушка в маковом плаще, как лепесток, сорванный ветром, и обдала летом. Хлынул ливень – первый осенний, и погасил жёлтый свет клёнов. Парень стоял и слушал водосточную трубу, которая вздрагивала от бьющихся внутри струй. Объявление, написанное от руки на четвертинке тетрадного листа, медленно сползало по трубе, смываемое дождём. Он остановил бумажку пальцем...

В самодеятельный коллектив марийского народного танца и песни «Арняша» требуется тумырщик. Адрес...

Через полчаса его глаз уже моргал в щёлке света, выбивающегося из небольшой комнаты, где шумели старушки. На них были белые рубахи с красной вышивкой и расписные шимахи на головах. Лица сияли, как пирожки! Одна румяная и кругленькая завела песню, другие подхватили. Запахло полынью и сладковатой стружкой от липовых чурок, из которых режут ложки и черпаки, похожие на лады. Семендей вспомнил такой черпак из своего детства, который плавал в кадке, полной шибящего в нос кваса. Он осторожно потянул ручку на себя и, оказавшись в центре вдруг расступившегося круга, начал тихо подпевать...

Случайно коснулся рукой барабана, который стоял на стуле, и тот отозвался глубоким и радостным «у-ух!». Мокрая куртка уползла, как шкура, куда-то под стул, рука приобняла барабан, а другая подушечками пальцев начала поглаживать холодную серую кожу. Тот потихоньку оживал. Следом проснулись сиплый рожок и глупая трещотка. Комната поплыла – красно-белые полосы рубах и зелёные шторы. Засохшие цветы из опрокинувшейся вазы захрустели под ногами, и такой горький аромат пошёл, как будто бы старушки топтали ромашки в поле...

– Ну, молодец!.. – кто-то поглаживал его по плечу.

– Мы давно тебя ждали!..

– Заждались!

– Как тебя зовут-то, парень?

– Семендей...

– Ах, если бы Абдай слышал, как ты сегодня играл!

– Кто это? – спросил опьяневший от тепла Семендей.

– Хозяин тумыра. Помер недавно...

– Да чё ты говоришь-то, Янипа? На этой тумыре играл ещё Кубакай, а лишь потом, когда он угорел в бане, Абдай пришёл...

– А теперича вот Семендей играть будет...

В голове ещё пели старушки, и стучал тумыр, когда Семендей вошёл в класс и сел на своё место.

– Семён, тебя не было три дня! –

услышал он дрожащие нотки над головой. – Ты что, болел?

– Нет.

– Тогда что же?

– Ну, я это... Со старушками был, играл на тумыре...

Смех заплясал по комнате злобными солнечными зайчиками, какие бывают от разбитого зеркала, и умер брезгливой ухмылкой на тонких чернильных губах учителя. Семендей выскочил из класса и тут же сбил с ног Шакира, вожака местной шпаны.

– Ты, Рыжик, совсем оху... что ли! – Он больно ткнул костяшками кулачка ему под рёбра. И тут внутри Семендея как будто бы пружина выпрямилась и зазвенела. Широкая пятерня скомкала злобную мордочку Шакира и начала отрывать голову от тщедушного тельца. Кто-то прыгнул на Семендея сзади и начал душить, на крепкой, как ствол, руке повисли остальные...

Парень рычал волком, расшвыривая их по коридору. Последний размашистый удар вслепую пришёлся прямо в напудренный лоб директрисы. На выручку ей уже трусил с трубочкой кроссвордов отяжелевший от обеда охранник.

Семендей одним прыжком очутился на подоконнике, вторым – перелетел через репей и... Последнее, что услышал, когда летел, было кем-то брошенное из преподавателей: «Надо же, а на вид такой тихий парень!»

Если бы не было тумыра, он пошёл бы к волку...

Уже привычно, без опаски, покрутил барабан в руках. Тихонько выбил тремоло, прислушался, потом озорно шлёпнул, как будто прихлопнул слепня на крупе коня, и вдруг тумыр завертелся, принимая град ударов и редких поглаживаний.

Непостижимо, как это кусок телячьей кожи, который пошёл на обтяжку тумыра, под пальцами марийского парня способен был вспомнить и повторить все эти звуки: топора, тюкающего по звонкой сосне, топота копыт по мягкой пудре дороги, ночных стуков и кашля домового, раскатов далёкого, но пусто-

го грома, свободного полёта ведра к далёкой колодезной звезде!

Семендей заснул, уронив голову на ещё гудящий тумыр. Из глубины колодца услышал старую марийскую песню, приподнял отсыревшую крышку и оказался в залитой солнцем избе. Улыбнулся, узнав свою бабу, протирающую светящееся в руках блюдо, которое вдруг оказалось нимбом Христа на иконе. Она и её тоже старательно вытерла, встав на хлипкую табуретку. Семендей заботливо протянул руки, чтобы поддержать, но застыл, увидев, как светятся сквозь ночную рубашку крепкие икры. Осторожно приобнял ноги, пальцы скользнули вверх и... в ладони улеглись горячие колобки с торчащим изю-

мом вместо сосков. Соседка Тайра ойкнула и уронила мокрую ветошь на пол. Она шептала, жарко прижимаясь к нему животом: «Не плачь, не плачь, Семендей, всё будет хорошо...»

Он проснулся, но ещё долго лежал на чьих-то острых коленках, пахнувших плесенью и пивными дрожжами, боясь открыть глаза, чтобы не потерять Тайру. Он лежал и слушал, как кто-то воркует над его ухом, распутывая непослушными ревматическими пальцами узелки в волосах: «Не плачь, не плачь, всё будет хорошо...»

А за окном дождь не унимался. На потолке набухали тяжёлые жёлтые капли и падали на тумыр.

Дыра

От своего дома, последнего на горе, она добиралась до редакции битых два часа. Рейсовый автобус не всегда притормаживал на остановке. Водитель, испугавшись толпы, давал по газам. Грязные брызги из-под колёс, снежный дождь из тяжёлого отсыревшего неба загоняли людей в ржавый павильон, который алкаши приспособили под уборную. Зажимая носик пушистой варежкой, она досматривала свой акварельный девичий сон, где не было ни Фрейда, ни Ницше...

Неожиданно толпа вздрагивала и несла её как пушинку к «леваку» – перекрашенному автобусу с заиндевевшими дерматиновыми сидениями – шофёр быстро определял на глазок количество мёрзнувших пассажиров и помножал их всех на двадцатку.

Она забивалась в уголок, боясь перепачкать мазутом свою белую куртку с гагачьей опушкой, и, забываясь в полусне, не сразу замечала чью-то на-

глуую пятерню, которая грелась на её бедре.

В редакции газеты, которую выпивали пенсионеры, девушка сидела на «горячей линии» и принимала звонки от населения. Жалобы на соседей, на управдома, где-то прорвало канализацию, у кого-то отключили отопление... – всё это заносила округлым почерком в амбарную тетрадь. К работе относилась прилежно, особо не задумываясь над тем, что диплом журфака предполагал нечто иное. За неделю до 31 декабря о ней вдруг вспоминало руководство и поручало изображать на корпоративе милого зверька, который символизировал Новый год. Так она уж рычала, хрюкала и пищала, что вызывало пьяный восторг у сотрудников.

В этом году примерила костюм белого зайчика, но в свои двадцать семь играла уже как-то тяжело, без задоринки. Когда отбаранила свои реплики, её усадили за стол поближе к по-

теплевшему начальнику и поставили перед ней целую тарелку очищенной моркови. Вокруг заготали. Она попыталась улыбнуться, но из глаз брызнули слёзы. В женском туалете её успокаивала корректор, прижимая к своему мужскому плечу и подавая бумажные салфетки. Зайчик повторяла одну и ту же фразу: «Мине мыскыл итэлэр!»* Если только вы услышите от татарки вот это самое «мыскыл», то значит она из деревни. Это пароль. Ей мерещится, что над ней все подтрунивают, надсмехаются...

Зайчик, обитала в самой настоящей деревне под названием Тишек**. Нижний конец посёлка был русским, и там его называли Тишка, а вот верхний угол – татарским. За окном – корабельные сосны, бросались в Маймула*** шишками. Он тьякал и продолжал зализовать рваную рану, нанесённую ночным вором за яблоками. Если бы не цепь, то вор Маймула прибил бы, наверное...

Она полила помидоры и закрыла в сарай новенький шланг, когда бабушка распахнула ставни и позвала: «Нәсимә, чэй эчэргә кер!»****

Двадцать два года назад мама погибла под колёсами трактора в трёх шагах от калитки. В тот день пьяный сосед Зуфар решил съездить на низ за водой. От неё остались аудиокассеты с итальянской эстрадой, поэтому дома до сих пор хранился старый портативный магнитофон «Романтик». Иногда Насима включала какую-нибудь кассету наугад и слушала любимые песни мамы: «Mamma Maria», «Piccolo Amore», «Casa Mia», «Ciao Italy, Ciao Amore»... Казань в те годы, в которых мама так и осталась молодой, была больна Италией. Все распевали эти песенки, покачиваясь на тёплых волнах мелодий. Но удивительно, что и в самых радостных из них звучала какая-то грусть.

Насима отложила две фотографии мамы, на которых та была похожа на Орнеллу Мути. Когда этим летом итальянская звезда приезжала в Казань на открытие кинофестиваля, то она выстояла под дождём два часа, только чтобы

увидеть... нет, даже не Орнеллу, а маму. Но из лимузина вышла совсем чужая женщина. Как будто бы произошла подмена. Необъяснимо, но со временем образ мамы стал каким-то «итальянским». Вдруг она появлялась за спиной, как живая – шум платья, её тепло, запах крема для рук «Балет», – и тут же начинала играть в ушах итальянская песня, какой-нибудь припев. Мама пыталась заплести дочке косичку, но пальцы её были как летний сквознячок, забежавший в окно, он только чуть-чуть шевелил пряди. Кызым, в который раз просматривая тот знаменитый фильм, видела как Челентано, похожий на доброго орангутанга, хочет приобнять маму. А она ласково ему так: «Ма вала! Мано! Ма ке фурбо»*****. Забывая потихоньку английский, который проходила в школе и институте, она начала учить итальянский. Но для чего, и сама не знала.

В августе в тени беседки скромненько отпраздновали её 28-летие. Забежали подружки-соседки, подарили бижутерию. Потом зашла Марзия-апа с внучкой-семиклассницей и развернула белое блюдо с голубой каёмкой, на котором был нарисован весёлый городок *Rimini*. Рассказала, что к внуку приехал друг по переписке, итальянец по имени... Но вот имени она не смогла выговорить.

Когда сад стал погружаться в прохладные дымные сумерки, во дворе Марзии-апы вдруг появился тот самый шумный итальянец и, осматривая резные наличники на окнах, которые выпиливал целый год перед смертью Махмут-абый, несколько раз воскликнул «грация», а когда на столике появились две бутылки водки, слабым голосом возразил – «баста».

Надгробный памятник из белого мрамора, прислонённый к брёвнам, издали показался древнеримской статуей с отбитой головой, а шипенье шланга

* Надо мной издеваются! (*там.*)

** Дыра (*там.*)

*** Обезьяна (*там. искажённое*)

**** Насима, иди чай пить! (*там.*)

***** Да пошёл ты! Каков хитрец! (*итал.*)

га – журчаньем в замшелой чаше фонтана. Он, ополоснув припухшее лицо и взбив кудри, начал, жестикулируя и коверкая русские слова, что-то объяснять старушке. Был чересчур возбуждён, как будто выпил. Потом послышались удары колуна, потянуло сладким дымком берёзовых поленьев.

Она поливала дамские пальчики из шланга, когда внук Марзии-апы окликнул её из-за малины.

– Насима, айда к нам! С другом познакомя...

Итальянца звали Педжона. Рядом с ней он притих, но после третьего тоста его пляшущие длинные пальцы, как-то так ловко щёлкая в воздухе и изображая щебетание каких-то там итальянских соек, уже играли менуэт на воображаемых клавишах её коленок. Из путаного рассказа итальянца она поняла, что в детстве к нему в спальню залетела птичка, та, что навещает лишь одарённых мальчиков, поэтому родители отдали Педжону в музыкальную школу во Флоренции, закончив которую он стал продавать подержанные японские автомобили. Насима была оглушена Педжонной как карнавальная петардой. Три дня он искрил вокруг неё, паясничал и пританцовывал, водил по итальянским кафе, коих в Казани предостаточно, и там закатывал скандалы, вызывая из дымных недр кухни шеф-повара и обрушивая на того шквал итальянской брани по поводу разваренной, как лапша, пасты.

Когда они шли по улице, все оборачивались. Тихая, безропотная татарочка со скромным именем Насима и взрывной итальянец, танцующий вокруг неё. Педжона – и этим всё сказано!

– А тебе нравится Орнелла Мути? – заглянула в глаза итальянцу Насима.

– Мути? О-о, это старый кино! Мама, папа смотреть, а я забывать. Он, Мути, старый стал. Тут-тут – показал на себе – морщинка.

– А Челентано?

– Челентано очень старый стал. Не может любить так, как давно. Как он любить Франческо.

– Франческо?

– Си-си*, Франческо! Орнелло папа назвать Франческо. Это имя было, когда она девочка, потом она взять псевдоним.

Они гуляли по парку «Миллениум», он её фотографировал у изливающейся чаши, ловил маленькую радугу, которая прыгала над головой Насимы. Когда подошли к озеру Кабан, Педжона сказал, что зелёная вода здесь пахнет так же, как в Венеции. «Не может этого быть!» – подумала Насима, но промолчала.

Перед самым отъездом он сделал ей предложение. Спел под окнами под завывание Маймула серенаду, потом встал на колени и покрыл поцелуями её оцарапанные крыжовником ноги.

Утром в воздухе как будто бы ещё вибрировал голос итальянца, казалось, что он сейчас выйдет из-за угла в своих красно-чёрных шортах и майке под цвета футбольной команды «Милан».

Вскоре в разбухшем от дождей фанерном ящике на воротах стали появляться весёлые письма из далёкого Римини. Когда наступила зима и крышка ящика стала примерзать, эти послания напоминали ей кусочки дыни из яркого лета. Она их даже обнюхивала, прежде чем открыть. Он писал большими буквами с забавными описками. Украшал листочек пронзёнными сердечками и амурами. Старенький прабабушкин буфет помолодел от этих открыток итальянца, а две самые красивые даже появились в углах деревянной рамки шамаиля, которую смастерил ещё Махмут-абый. Утром, когда температура на улице достигала тридцати, она, приплясывая на остановке, думала о тёплом сапожке Италии, куда летел самолёт из Татарстана, о золотистом от апельсиновых садов городке Римини и нетерпеливом Педжоне, который будет встречать её у трапа в форме клуба «Милан». Это согревало!

Как-то майским утром в почтовый ящик упало письмо с приглашением. Этот

* Да (итал.)

звук она услышала, когда находилась в редакции. Разве такое возможно? Над ящиком в этот день распустился куст сирени – белой и тяжёлой. Бабушка, промокая уголком косынки глаза, пекла эчпочмаки. Вечером прибежали подружки-соседки и стали завидовать Насиме. Она подарила им обратно их бижутерию и кучу ещё всего из зимней одежды. Куда это теперь? Несколько раз включали «Матта Мариа»...

Она ехала на такси до аэропорта и загадочно улыбалась, летела в самолёте, и с её лица не сходила эта улыбка Моны Лизы. Горячий ветер со вкусом эвкалипта сразу же развязал ей бантик и распустил косицу, заплетённую бабушкой. Насима на носочках спустилась по трапу и осторожно поставила свою белую лодочку на итальянскую землю.

Она увидела его сразу. Толпа вокруг него была как бы размыта. Педжона ликовал, размахивая руками. Даже когда взял её багаж, то не переставал жестикулировать, перекидывая сумки из руки в руку.

Он быстро, без запятых и точек, перескакивая с одного на другое, рассказывал ей о сумасшедшем императоре Нероне (три колонны, оставшиеся от виллы, торчали рёбрами ящера из горы), о Федерико Феллини, который частенько останавливался в доме родителей Педжоны, когда приезжал в Римини, о своей больной маме Лауре (ей недавно удалили почку), о больной сестре Марии, у которой год назад умер муж, оставив пять милых девочек... О том, как жутко скучал зимой и ждал этой встречи.

Время от времени он тыкал ухоженным ногтем на мизинце в окно авто и, чуть притормаживая, рассказывал то о маленькой триумфальной арке, то о каком-то пересохшем фонтане или доме с отбитой штукатуркой, где жила когда-то итальянская знаменитость. Насима молчала, погружённая в своё счастье, только вертела по сторонам послушно головой. Внизу, под обрывом, серебрилось море, в ажурной тени снежно блестели скатерти и тарелки. Золотистый италья-

нец с седой паутиной на груди склонился к соломенной шляпке и что-то нашёптывал. Кабриолет, разъезжаясь с зелёным «жужком», сдвинул бампером полосатый стул и раздавил апельсин...

Насима переполнялась этими яркими картинками, которые гурьбой-наперебой быстро вытеснили из сердца чёрно-белые фотоснимки посёлка вблизи Казани с таким тусклым и тоскливым именем – Тишек.

Педжона одной рукой небрежно рулил, а второй приобнимал на выражах Насиму. Если вначале он говорил на плохом русском, приправляя его итальянскими словами и выражениями, то теперь, подустав, полностью перешёл на итальянский. Но она его понимала...

Автомобиль, ныряя в глубокую тень, спускался по серпантину к морю, которое за последним поворотом неожиданно встало на дыбы и ослепило своей новобрачной пеной. Одна волна зашипела, добежав до оплывающего песочного замка. Детишки завизжали и попадали попками в мутную лужицу. В этот полуденный зной отдыхающие попрятались в журчащую тень отвесной скалы, лишь рослый негр невозмутимо вышагивал по солнцепёку, неся на голове с десятков кожаных сомбреро, надетых одно на другое.

Насима разулась и вошла в море. Волна покорно отступила, но затем игриво ударила её в икры. «Бон джорно, море!» – поздоровалась она с морем.

И вот уже парус скатерти захлопал на ветру в ловких руках официанта и покрыл плетёный столик. Порванная рыбацкая сеть отделяла кафе от пляжа. Насима почувствовала, как мелкая соль от сильной волны увлажнила её плечо. Обернувшись, там, за обнажённым стволом платана, стояла бронзовая девушка и читала книгу. На ней были лишь красные трусики и... чёрная книга. Насима немного подвинула стул влево, чтобы закрыть от Педжоны девушку своим телом.

– В школе русские подружки называли меня Симоной или Симой. Ты тоже можешь, если хочешь...

– Си, Симона!..*

Официант поставил на столик два керамических горшочка и бутылку красного вина. Под крышкой кипела горячая морская волна со своими обитателями, которые на рассвете попались в сети. Дыхнуло йодом, и Симона принялась осторожно вытаскивать из глубин ленточки морской капусты, с запутавшимися в ней белыми щупальцами кальмара и розовыми тельцами моллюсков. Потом они поехали дальше. Сначала вдоль побережья, мимо курортных городков и дискотек, где начинала шевелиться ночная жизнь, затем стали круто взбираться в гору. Далеко внизу за хвойными лапами блеснули прибрежные огоньки. Автомобиль как будто бы взлетал!

Посреди ночи они приехали. Одноэтажный городок спал, закрывшись деревянными ставнями, была освещена лишь центральная площадь с собором и журчащим фонтаном. Симона, закутавшись в кофту, прошла вслед за Педжоной, который внёс в тёмный коридор сумки. Внутри горько пахло першистой сухой травой. В спальне стояла банка из-под мёда с засохшим букетом, на тарелке ломтик сыра покрылся зелёным пушком. Она принялась было всё это убирать, но Педжона остановил её. Он торопливо открыл бутылку вина, посадив себе пятно на шорты, ополоснул газировкой два пыльных бокала. Зажёл новогоднюю кручёную свечу с золотыми блёстками и поставил её на пол у шаткой тахты. Отряхнул несвежую простыню и притянул к себе Симону. Она уже спала в его объятиях, приоткрыв рот и не отвечая на поцелуи. Ночью несколько раз просыпалась от толчков и слушала, как мерно поскрипывает тахта. Ей было стыдно, что это могут услышать соседи...

Утром она выскользнула из-под руки Педжоны. Поддержала в пальцах его тяжёлый серебряный крестик, налила в таз воды и принялась убираться. Пыль лежала с палец толщиной,

забытые мусором пакеты были рассыпаны по всем углам. Дом представлял собой узкий пенал в два этажа с запущенным садиком у входа. В кладовке она наткнулась на открытую коробку с сувенирными тарелочками, на которых был изображён Римини.

Пообедали мамиными эчпочмаками. Потом сидели на крыльце, устало молчали. Он выкурил сигарку, и они опять отправились на тахту. Вечером пришла его тётка – синьора Карлотта, похожая на тучу: угрюмая и вся в трауре. А вечером Педжона уехал. Сказал, за новой партией машин.

Он появился только через месяц. Приехал исхудавший и уставший. Много ел и много спал. Через три дня оставил денег и снова уехал – к умирающей маме. За время пока его не было, Симона покрасила снаружи штукатурку дома, переклеила обои, прополосала заросший садик у дома, обнаружив там забытые жёлтые розы. Ещё пыталась научить синьору Карлотту делать татарскую лапшу, показывая, как можно быстро превратить тончайший блин теста в горку невесомой паутинки, но та сразу же полоснула себе по пальцу ножом. По вечерам Симона рассказывала о далёкой Казани, но где это, объяснить синьоре так и не удалось. Договорились на том, что это севернее Венеции.

Когда Симона рассказала Карлотте о своей маме и кассетах с итальянской эстрадой, синьора-туча вдруг прослезилась, а потом улыбнулась робким лучиком, блеснувшим на землистом лице. Она выудила из шкатулки потемневший серебряный крестик и протянула его Насиме. Девушка приняла, но не надела.

Тётя Педжоны стала ей как родная. По воскресеньям они вместе ходили на рынок, на обратной дороге заглядывая в маленький собор Святой Пиньи. Других развлечений в городке не было. Под выцветшим брезентовым тентом в пахучих мокрых лотках радостно прыгали серебристые рыбёшки, поверх которых таял вялый осьминог. От рынка с пакетами направлялись к храму, снаружи он

* Да, Симона... (итал.)

был весь обшарпан ветрами, лучами и струями дождя, а внутри похож на склеп. По икрам бил мокрый хвост рыбы, а наверху на стене истекал кровью распятый Иисус – полуобнажённый, с коленками цвета слоновой кости, он стонал среди прихожан, похожих на готические изваяния, которые старались согреть его поцелуями и тонкими свечами-лампочками. Затем синьора с девушкой садились за столик уличного кафе, немного отогреться. Здесь солнце било нещадно, не обращая внимания на зонты, доставая посетителей через лужицу, натёкшую у фонтана, через поднос официанта, белые кофейные чашки, витринные стёкла и зеркальца стоящих машин. Наконец солнце загоняло их в прохладу помещения, где они заказывали шарики бананового мороженого и клубничный сорбет.

Только живая рыба на рынке напоминала ей, что где-то там, за горным хребтом, кипят и выбрасываются на берег волны, и весёлые курортные городки по вечерам зажигают разноцветные огоньки. Симона не сразу поняла, что Римини находится в стороне, а этот маленький город с населением в две тысячи человек, куда привёз её Педжона, называется Рипини. Всего-то одна буква...

Один раз она всё-таки съездила на автобусе в большой город Бенвенуто, который находился в сорока километрах от Рипини. Собралась пораньше и попала на один рейс с сезонными рабочими. Потные тела играли мускулами, чья-то пятерня елозила по ней. Она

пожалела, что не надела джинсы. Приехав, бесцельно бродила по старому городу: крепость, ратуша, собор... Съела три шарика бананового мороженого. Накупила конвертов и открыток с видами Италии, Рима, но особенно Римини. Обошла несколько торговых центров, даже зашла в краеведческий музей, где были выставлены скелеты девяти недавно откопанных легионеров в мятых доспехах. И в шесть вечера с теми же рабочими отправилась обратно домой. Уставшая пятерня уже не так усердно елозила по бедру, как утром. Мужчины спали, повиснув друг на друге, и от них пахло апельсинами.

Дома, уединившись на ступеньках, Симона выбрала самую красивую открытку с Римини, там, где у моста Тиберия покачивались яхты, и написала письмо маме на татарском языке: «Помидоры здесь совсем другие. Они ползут вверх, как вьюн, а на одном кусте может быть до двадцати помидорин. Зелёными их никто не срывает. Каждый день мы с Педжоной купаемся в тёплом море. Город, где живём, самый красивый в Италии...»

Чуть было не подписалась Симонной, но, спохватившись, вывела – «Твоя Насима». Девушка представила себе, как эта открытка упадёт однажды утром в фанерный ящик с глухим звуком. Как твякнет на почтальона Маймул, а бабушка наденет калоши поверх шерстяных носков и зашаркает к ящику. Она позовёт соседку Марзию-апу с дочкой, и та прочтёт это письмо вслух...

Казань – Римини, июль 2011